

ПОБОРНИК арабского возрождения

(К 75-летию со дня рождения выдающегося советского арабиста академика И. Ю. Крачковского)

В. ЛУЦКИЙ

16 МАРТА 1958 года исполнилось

75 лет со дня рождения академика Игнатия Юлиановича Крачковского, по праву признанного во всем мире лучшим знатоком арабской культуры и литературы. Нет такой области арабистики, в которую этот выдающийся советский ученый-востоковед не внес своего ценного вклада. Его труды посвящены проблемам арабской литературы — древней, средневековой и новой; истории арабской поэзии и поэтики, публицистики и общественной мысли; проблемам экономической и культурной жизни арабских стран; проблемам истории арабской науки, в частности математики, географии, филологии; вопросам арабского языкознания...

Много сил И. Ю. Крачковский отдал изучению истории русско-арабских культурных связей, русской арабистики и востоковедной науки вообще, исследованию арабских источников по истории народов Советского Союза, переводам произведений арабских писателей, поэтов и публицистов на русский язык. Широко известны также его труды по вопросам эфиопской филологии.

Но одна сторона его многогранной деятельности заслуживает особого внимания. Это живой интерес и горячие симпатии И. Ю. Крачковского к пробуждению арабских народов, к их национально-освободительной борьбе, современником и свидетелем которой он был.

С арабами И. Ю. Крачковский впервые установил непосредственный контакт в 1908 году, когда после двухлетней подготовки к профессорской деятельности он был командирован Петербургским университетом на Восток — в Египет, Сирию и Ливан.

В те времена востоковедная наука ограничивала круг своих исследований древним и средневековым Востоком. Программа занятий на восточном факультете Петербургского университета была четко определена: чтение и перевод классических текстов. Естественно было бы предположить, что, попав на Восток, Крачковский, подобно другим ориенталистам, засядет в рукописных хранилищах и не проявит никакого интереса к современной арабской жизни.

Однако два года на Арабском Востоке молодой русский ученый провел не только в упорном изучении средневековых арабских рукописей. Именно в этот период он окунулся в гущу арабской действительности и сделал ее предметом научного исследования.

В свое время один из историков востоковедной науки делил востоковедов на три категории. Первая категория — это люди, у которых научный интерес сочетается с любовью к странам и народам Востока. Для второй категории ученых Восток является объектом исследо-

Академик И. Ю. Крачковский.

вания и только. И, наконец, третьи признают важность изучения Востока, но не питают никакой симпатии ни к восточным странам, ни к восточным народам¹. И. Ю. Крачковский никогда не принадлежал ни к числу реакционных буржуазных ориенталистов, которые действуют во вред изучаемым ими странам, Азии и Африки, ни к категории буржуазных объективистов, для которых Восток является лишь предметом педантичного исследования. Он с горячей симпатией относился к народам Востока, и прежде всего к арабским народам, язык и культуру которых он изучал. И хотя ученый в то время не всегда правильно понимал действительные причины пробуждения арабов, он был всей душой на стороне арабских народов в их борьбе за прогресс и лучшее будущее. Горючее сочувствие освободительным стремлениям арабов — сочувствие, родившееся при первом же соприкосновении с арабской действительностью, — выдвинуло его в ряды

¹ См. «Записки коллегии востоковедов», Л., 1925, т. I, стр. 163.

представителей передовой восточной науки. Пусть над ним — на первом этапе его деятельности — еще тяготел груз буржуазно-идеалистических традиций и представлений, свойственных «петербургской школе востоковедения», он четко видел борьбу нового и старого в арабском обществе, и все его симпатии были на стороне нового. Больше того, Крачковский не остался сторонним наблюдателем этой борьбы, а активно пропагандировал новое, активно помогал ему утверждать себя.

Задачу своей научной деятельности ученый сформулировал в следующих ярких словах: «Узнать **настоящий** Восток, не закутанный дымкой наших собственных фантазий, но и не отраженный вогнутым зеркалом надменного европейского высокомерия»².

На Восток, в Бейрут, Крачковский прибыл 19 июля 1908 года, то есть за четыре дня до начала младотурецкой революции. Он был прикомандирован к Бейрутскому католическому университету.

Поселившись в одном из глухих селений горного Ливана — в Шувейре, он знакомится с крестьянами и ремесленниками, с местными интеллигентами — преимущественно народными учителями, с деревенской детворой — учениками начальных школ. Рассказами о таких встречах полны записи из его дневников, опубликованные женой ученого профессором В. А. Крачковской³.

Куда бы ни приезжал молодой русский ученый — в Триполи и Назарет, в Думу и Кесбу, в самые различные города и селения Сирии, Ливана, Палестины, — он первым делом шел в школу и был там желанным гостем.

В своих известных воспоминаниях «Над арабскими рукописями» И. Ю. Крачковский писал: «Во время двухлетних скитаний по Сирии я очень любил бывать в школах Русского

Палестинского общества... Велико было значение этих маленьких, часто бедно обставленных школ. Через учительские семинарии Палестинского общества проникали и сюда вынесенные из России великие заветы Пирогова и Ушинского с их высокими идеалами. По своим педагогическим установкам русские школы в Палестине и Сирии часто оказывались выше богато оборудованных учреждений разных западноевропейских или американских миссий. Знание русского языка редко находило себе практическое применение в дальнейшей деятельности питомцев, но прикосновение к русской культуре, русской литературе оставляло неизгладимый след на всю жизнь. Сила книги обнаруживалась здесь во всей своей мощи. И недаром так много современных писателей старшего поколения, не только переводчиков с русского, но и творцов, сказавших свое слово для всего арабского мира, вышло из школ Палестинского общества. Эта среда скромных учителей меня особенно влекла. Многие из них и тогда уже нередко бывали писателями и журналистами: для другой общественной работы пути в старой Турции были еще закрыты. В этой настоящей интеллигенции ума, вышедшей из народа и жившей с народом, я видел грядущую силу. История арабских стран после первой мировой войны оправдала мои мысли»⁴.

Крачковский был частым гостем не только в арабских народных школах, но и в редакциях арабских демократических газет. Ученый рассматривал периодическую печать как неотъемлемую часть арабской литературы. Выступая против ограничения литературоведческих исследований только художественной литературой, он писал: «При таком подходе целые отрасли новоарабской литературы будут оставлены за бортом — отрасли, без которых ее характеристика окажется неполной... Периодическая пресса — это дитя XIX века, важный фактор арабской

общественной жизни — тесно связана с развитием публицистики и особого журналистского стиля, насчитывающего ряд талантливых представителей»⁵.

Важно отметить, что Крачковский сам активно сотрудничал в арабской прессе и даже публиковал свои арабские стихи под псевдонимом Гантус ар-Руси — Игнатий Русский. Он систематически посещал редакции прогрессивных газет, которые в то время играли роль своеобразных политических и литературных клубов. Много лет спустя Крачковский вспоминал об этих встречах с представителями арабской демократической интеллигенции: «Темой служили, конечно, наболевшие вопросы момента — ведь это были первые годы турецкой конституции, взрывов революции и контрреволюции, время надежд и горьких разочарований, когда арабы стали убеждаться, что для арабского народа от младотурок нечего ожидать. Много мне приходилось об этом слышать на митингах и в оживленных беседах, много писалось в газетах»⁶.

Такова была та демократическая среда, где Крачковский чувствовал себя своим и представители которой по праву считали его другом, — среда, интересы, чаяния и тревоги которой он принимал близко к сердцу.

Впоследствии Крачковский едко высмеивал тех писателей и туристов, для которых представления о современном Арабском Востоке ассоциируются с образами «богатых купцов, слушающих за кальяном в кофейнях рассказы из 1001 ночи, бедуина, распевającego про дела отцов у цветного шатра, фанатика с мечом, готового обрушиться священной войной на христианский мир, назойливых лодочников или погонщиков, надоедающих просьбами о бакшише...» «И за этими картинками, — восклицал он, — совершенно скрывается **настоящая** действительность. Неизвестным остается существование богатой периодической прессы... существование ряда обществ и политических партий с самой разнообраз-

² «Восток», 1922, I, стр. 73.

³ В. А. Крачковская. И. Ю. Крачковский на Ливане и в Палестине (1908—1910), «Палестинский сборник», вып. I (63). М.—Л., Издательство АН СССР, 1954.

⁴ И. Ю. Крачковский. Избр. соч., М.—Л., Издательство АН СССР, 1955, т. I, стр. 54—55.

⁵ «Восток», 1923, II, стр. 71.

⁶ И. Ю. Крачковский. Избр. соч., т. III, стр. 137—138.

ной идеологией». Русский ученый отмечал, что уже с XIX века в наиболее развитых арабских странах — Египте, Сирии и Ливане — росло число школ, типографий, развивалась пресса «и давно уже арабы могут гордиться ими перед своими восточными собратьями. Общества научные, литературные, политические создают интеллигентную среду, вызывают неведомую раньше сплоченность духовных сил и возможность не только поставить известную цель, но и достичь ее»⁷.

Все эти наблюдения привели Крачковского к выводу, который он сформулировал чрезвычайно четко: современные арабы — культурный народ, самый культурный народ Ближнего Востока.

Чтобы понять эту истину уже в 1908 году, подметить и выдвинуть как центральную проблему процесс пробуждения арабов, перед которым открывалось большое будущее, но который тогда едва начинался, чтобы отбросить все несущественное, нехарактерное, отмирающее, но бросающееся в глаза европейским исследователям и туристам, надо было самому вывариться в котле арабской общественной жизни, стать ее непосредственным участником. И это прошел молодой ученый.

Тогда же, в Ливане, ему пришла в голову смелая мысль: посвятить свою вступительную лекцию в Петербургском университете не средневековым арабам, как этого требовала неписаная академическая традиция, а именно современной арабской действительности, отражению процесса пробуждения арабов в современной арабской литературе. Этот план был настолько смелым и необычным, что Крачковскому пришлось выдержать серьезную борьбу, чтобы осуществить его. И все же он преодолел сопротивление консервативных академических кругов и сломал закостенелую традицию: 2 ноября 1910 года ученый прочитал лекцию на тему «Исторический роман в современной арабской литературе». Идеи, которые он развил в этой

лекции, выходили далеко за рамки ее названия.

«В большой семье человечества, — говорил Крачковский, — есть нации, которые считаются переставшими играть активную роль в общественном развитии. Каждый исследователь спешит здесь оттенить, что объект его изучения может иметь только «академический» интерес, не представляя значения для современности. Обращаясь с особенной симпатией к славному прошлому, такой исследователь часто не замечает этой современности, не видит, как на развалинах прошлого зарождается новая жизнь... Некоторые события XX века могут служить очень рельефным примером. К таким нациям относятся и арабы»⁸.

И. Ю. Крачковский указывал, что современные арабские народы создают литературу «новую, живую, развивающуюся», литературу, неизвестную даже специалистам, не проявлявшим к ней живого интереса, и что процесс развития этой литературы представляет собой «заслуживающую внимание научную проблему».

В том же 1910 году, по возвращении из Сирии, Крачковский опубликовал статью «Русские писатели в арабской литературе». Она имела скромный подзаголовок «Библиографическая справка по поводу кончины Льва Николаевича Толстого» и была опубликована без подписи на задворках «Вестника иностранной литературы»⁹. Между тем по своему значению эта статья, положившая начало изучению истории русско-арабских культурных связей и впервые прокламировавшая в печати существование современной арабской литературы, была большим событием в науке.

Крачковский писал: «Немногим из европейских читателей известно, что наряду с арабской литературой Корана и 1001 ночи — литературой мертвой, хотя и продолжающей нас чаровать красотой своих образов и

богатством красок¹⁰, — стоит другая арабская литература, живая и развивающаяся, идущая к тем же идеалам, которые манят ее старших сестер». Автор «справки» отмечал, что арабам известны многие произведения Пушкина, Гоголя, Льва Толстого, Горького, Чехова и других русских писателей, уже переведенные на арабский язык. В одной из других своих работ Крачковский указывал, что «интерес новой арабской литературы может быть охарактеризован двумя великими идеями: жизнь и борьба»¹¹.

Однако исследователь не всегда правильно освещал причины этого процесса политического и культурного пробуждения арабских народов. Он не видел его подлинных материальных, классовых корней — в этом сказалось незнание научной марксистской методологии. Он переоценивал внешние влияния — влияние экспедиции Бонапарта в Египет и деятельности иностранных религиозных миссий — на возникновение и развитие этого процесса. Но в то же время ученый понимал, хотя, может быть, не всегда четко формулировал эту мысль, что процесс пробуждения арабов к национальной жизни, к борьбе за национальное освобождение, за демократию, за азбучные права человека имеет глубокое внутреннее корни, а европейское влияние является лишь второстепенным фактором. «Несмотря на всю силу европейского влияния, — писал Крачковский, — было бы ошибочно характеризовать новоарабскую литературу исключительно этой

¹⁰ Мысль о «мертвой» и «живой» литературе, которую мы встречаем во многих произведениях Крачковского, нуждается в некоторых пояснениях. Конечно, ученый понимал, что письменные памятники средневековья в свое время также отражали живую действительность. Но эта действительность уже давно отошла в прошлое, проблемы, бывшие когда-то актуальными, давно померкли, и в этом смысле средневековая литература стала «мертвой». Между тем в новой литературе отражается современная действительность, ее противоречия и наиболее острые проблемы — то, что и сейчас сохраняет значение и волнует умы.

¹¹ «Восток», 1922, I, стр. 72.

⁷ «Восток», 1922, I, стр. 67.

⁸ И. Ю. Крачковский. Избр. соч., т. III, стр. 20.

⁹ «Вестник иностранной литературы», 1910, № 12.

чертой. Оно воспринимается не всегда пассивно: на фоне его идет горячая борьба старого и нового в самом арабском мире... Все эти течения (течения внутри арабского мира.—В. Л.) часто переименовываются, порождая новые направления, а нередко и водовороты»¹².

Исследователь Востока видел и отрицательные результаты «европейского влияния» на арабские страны; к колонизаторам он относился с нескрываемой враждой. В своем официальном отчете о научной командировке на Восток он решительно осудил «смешение научных и практических задач» в деятельности иезуитского университета в Бейруте, имея в виду миссионерские и колонизаторские цели, чуждые и враждебные прогрессивному русскому ученому. Он не раз с негодованием писал о европейском высокомерии в отношении арабских народов, тем самым осуждая европейский шовинизм и расизм. Рецензируя сводный труд бельгийца Лямменса по истории Сирии, Крачковский указывал: «При чтении книги надо помнить не только то, что она написана видным ученым, но и про то, чем она вызвана и какие цели преследовала». Указав, что книга написана для офицеров французской колониальной администрации и разведки, что автор фальсифицирует историю, преувеличивая французское влияние и «цивилизаторскую» деятельность Франции в Сирии, и враждебно относится к арабскому национальному движению, Крачковский замечает: «Темперамент автора здесь оказывается сильнее объективности ученого»¹³.

Таким образом, к выводу о пробуждении народов Арабского Востока Крачковский шел своеобразным путем: от академической востоковедной науки через знакомство с современной арабской литературой и арабской действительностью. И тем значительнее то обстоятельство, что в своих основных выводах — о пробуждении арабов, о передовой культурной Азии, — в своих симпатиях к этому движению он шагнул в ногу с ра-

бочим классом, с марксизмом, с мировой демократией.

Сам Крачковский, очевидно, еще не создал этого обстоятельства, когда с кафедры Петербургского университета привлекал внимание студентов к процессу пробуждения арабских народов, когда переводил на русский язык произведения знаменосцев арабского возрождения — Касима Амина и Амина Рейхани.

Но наступило время — оно пришло после победы Великой Октябрьской социалистической революции, — когда ученый-ориенталист почувствовал, что он не одинок в своих симпатиях к пробуждающимся народам Азии, что эти чувства разделяются всей советской востоковедной наукой, больше того — всем советским народом.

В этот период дружба академика Крачковского с передовыми арабскими писателями и учеными выросла и окрепла в еще большей мере. В своих многочисленных статьях советский востоковед продолжал пропагандировать достижения современной арабской литературы. Особенно его симпатии вызывали деятели антиимпериалистического движения — Мустафа Камиль, Абу-Надара и другие. Когда впервые на литературное поприще вступил известный египетский писатель Махмуд Теймур, Крачковский был первым, кто откликнулся на это явление и показал самим арабам и — более того — самому Теймuru значение его творчества, его реалистического метода. В этот же период ученый перевел поэму Рейхани «Революция», в которой воспевается гнев народных масс против тиранов. Впоследствии им была переведена повесть Таха Хусейна «Дни», в которой так ярко и реалистически показана жизнь Египта на рубеже XIX и XX веков.

Особо надо отметить, что академик Крачковский приветствовал появление марксистско-ленинского направления в общественной мысли Сирии и Ливана в 30-х годах, что он тщательно следил за арабской марксистской литературой, что он первым у нас, в Советском Союзе, в период Великой Отечественной войны обратил внимание на появление в Ливане прогрессивного журнала «Ат-Тарик»

(«Путь») и в содержательном обзоре, посвященном этому журналу, оценил его по достоинству. После войны И. Ю. Крачковский регулярно сотрудничал в «Ат-Тарике». В декабре 1950 года, когда деятельность «Ат-Тарика» по пропаганде идей мира, свободы и демократии в арабских странах была отмечена золотой медалью Мира, ученый тотчас же направил редакции журнала сердечное приветствие, которое было опубликовано уже после его смерти.

В ночь на 25 января 1951 года академика Крачковского не стало. Он умер в своем рабочем кабинете, окруженный книгами и рукописями. А на его письменном столе в это время лежала статья об «Ат-Тарике», которую он редактировал за полчаса до своей внезапной кончины. И это было глубоко символично: всю свою жизнь Игнатий Юлианович Крачковский посвятил делу молодой Азии, укреплению дружбы народов Советского Союза и арабских стран. Смерть застала его буквально на боевом посту, когда он продолжал работать во имя этого великого дела.

* * *

В наши дни, когда выдающаяся роль арабских народов в мировой борьбе с колониализмом высоко оценена всем передовым человечеством, перед советской востоковедной наукой, как никогда остро, встает задача изучения арабского национально-освободительного движения — от его истоков в период пробуждения Азии до его бурного разлива в нынешний период крушения колониальной системы. Произведения И. Ю. Крачковского, посвященные арабской общественной и культурной жизни периода пробуждения Азии, периода первой русской революции, создают солидный фундамент для решения этой задачи. То, что есть неверного в этих произведениях, конечно, подвергнется критике и отомрет. Но основные наблюдения и выводы И. Ю. Крачковского еще долго сохраняют свою актуальность и будут помогать и арабскому национально-освободительному движению, и укреплению советско-арабской дружбы.

¹² «Восток», 1922. I. стр. 72.

¹³ Там же, 1924, IV, стр. 197.